

Внезапно появившийся в центре города «неприятель» оказался ложной тревогой.

Конечно же, Цзы Янь, который только что прервал совещание своим донесением, хотел как можно скорее вновь вернуться к обсуждению дел.

Как только молодой генерал упомянул, не должны ли они вновь пойти обратно в резиденцию главнокомандующего, Ле Чжунлю тотчас же понял его намерения и, указывая на него, со смехом сказал:

— Цзы Янь нетерпелив, больше всего боишься, что я не поручу тебе какое-либо дело? — Осмотревшись по сторонам, мужчина в глубокой задумчивости добавил: — Для обсуждения дел не обязательно искать определённое место, по-моему, здешняя гостиная тоже весьма большая, к тому же тут есть кресла. Как отнесётесь к тому, чтобы здесь продолжить совещание?

Помещения действительно были почти одинаковыми.

Никто не стал возражать.

Стулья были немного пыльными, Цю Юэ и остальные служанки, поспешно взяв собственные носовые платки, вытерли все стулья, после чего предложили всем сесть в круг.

Однако оставался ещё один нерешённый вопрос.

Ле Доу, обнимая бесчувственного Ле Чжунши, кричал:

— Молодой господин, молодой господин!

Вэй Цюнян, увидев его крайне напряжённое лицо и влажный от пота лоб, подошла и, остановившись сзади, со вздохом проговорила:

— Сколько раз тебе говорить: не ссорься с ним, но ты, как назло, не слушаешься.

Ле Доу от волнения не мог толком объяснить:

— Старшая госпожа, я... я... я больше никогда не буду ссориться с ним. Госпожа, скорее приведите его в чувства.

Вэй Цюнян, вновь улыбнувшись, вздохнула и покачала головой, сказав:

— Ты ведь не заметил, что он увидел кровь, потерпи, он сам очнётся. Не беспокойся.

Ле Доу ещё больше обеспокоился и с кислой миной проговорил:

— Через сколько минут, ведь прошло уже довольно долгое время?

— Имей терпение, немного погодя всё уладится. Сначала отпусти его, позволь ему немного полежать.

— Нет, нет! Не отпущу.

Ле Чжунлю посмотрел на слугу, обнимающего его младшего брата, и, несколько недоумевая, обратился к Вэй Цюнян со словами:

— Тебе ведь не знаком нрав этих двоих; пока Ле Чжунши не пришёл в себя, тебе не стоит упрашивать Ле Доу отпустить его из рук. Ле Доу, отнеси его на улицу, только помни: сядь в тени дерева, так как Ле Чжунши боится жары, а находясь в прохладе, он тотчас же придёт в себя.

Не зная, как поступить, Ле Доу, когда получил указания Ле Чжунлю, словно внезапно осенило, и, совершенно не напрягаясь, он поднял на руки огромного Ле Чжунши, с волнением проговорив:

— Я пойду в тень дерева, хм, я найду тень дерева.

Многие посмотрели, как он, преисполненный радости и обняв Ле Чжунши, тотчас же выбежал из гостиной, позволяя всем собравшимся вздохнуть с облегчением. С этим потрясённым рослым парнем действительно невозможно спокойно обсуждать государственные дела.

— Сейчас министр может продолжить? — спросил Цзы Янь.

Сидящий рядом с ним Цянь Линь внезапно растянул рот в улыбке.

Цзы Янь, много лет проучившись вместе с Цянь Линем, хорошо знал каждое движение товарища и, повернув голову, проговорил:

— Чего смеёшься?

На что Цянь Линь сказал со смехом:

— Я тотчас же догадался, что ты станешь больше всех беспокоиться. Не хватает тебе желаемого спокойствия и невозмутимости, коими обладает государь и о которых ты обычно говоришь.

— Тебе уже поручили охрану Юэчжуна, конечно, ты не спешишь, — смеясь, возразил Цзы Янь и, вновь повернув голову, взглянул на Ле Чжунлю: — Министр, скорее проясните ситуацию, я действительно несколько обеспокоен.

На самом деле их разговор, который произошёл в строгой и хмурой атмосфере военного совета, прервался живым и тёплым смехом.

Ле Чжунлю с улыбкой посмотрел на колкости[1] этих двух генералов и, немного поразмыслив, выразительно проговорил:

— Командование должно делиться на внешнее и внутреннее, и раз уж Цянь Линь командует внутри, то...

— Тогда Цзы Янь, конечно же, должен командовать снаружи, — необдуманно проговорил Фэн Мин.

Ле Чжунлю совершенно не возражал против того, что князь его перебил, наоборот, мужчина кивнул, как бы говоря «князь Мин прав», а затем уже добавил:

— Это «снаружи» не просто указывает на внешнюю сторону Юэчжуна, речь идёт ещё и о стратегии, с которой можно защитить судьбу народа Юэчжуна, тем самым пока не позволяя ни войскам Юньинь, ни каким-либо другим странам бесцеремонно вторгнуться в город.

Жун Ху, хмыкнув, стал раздумывать над словами Ле Чжунлю:

— Эти укрепления хоть и сложные, да и городская стена высокая, однако если действительно город подвергнется осаде огромной армии, то рано или поздно потерпит поражение. Цянь Линь, полагаясь на свои навыки, может сдерживать войско неприятеля в крайнем случае день, не более.

— Почему в крайнем случае день? — на молодом лице Цянь Линя читалась самоуверенность, а сам генерал пылко со смехом сказал: — Если прорвутся в Юэчжун, то от врагов останется, как минимум, сто тысяч останков, и впредь, услышав моё имя, противнику будут сниться кошмары.

Цзы Янь, хорошо зная своего товарища, рассмеялся, обнажая его недостатки:

— Сто тысяч? Большое преувеличение. Задержишь пятьдесят тысяч, считай, что ты молодец.

— Цзы Янь, даже если он бахвалится, к чему говорить это при всех? — Ле-эр и Цзы Янь стали союзниками: один пел, другой вторил, одолевая Цянь Линя.

Все заулыбались, однако в душе прекрасно понимали, что Ле Чжунлю большую

ответственность по охране Юэчжуна возлагает на Цянь Линя, ведь как только многочисленная армия противника действительно перейдёт в наступление, то, чтобы у Жун Тяня в будущем появились все основания прибегнуть к военной силе Силэй, Цянь Линь непременно станет защищать до смерти, не отступая.

Так называемая тактика «защищать до смерти, не отступая» означает: даже в сражении при минимальном количестве войск не следует отступать. Иного выбора нет.

При мысли о такой жестокости сердце холодело от ужаса.

Только нынешняя атмосфера была весёлой, и, естественно, никто не осмелился поднять такую жуткую тему.

— Что значит сто тысяч и пятьдесят тысяч? Хорошо, чтобы ни одного. Я надеюсь, прежде чем государь официально разберётся с Жун Туном, в Юэчжуне по-прежнему будет царить тишь да гладь. — Ле Чжунлю взял зелёный чай, что поднесла Цю Лань, поблагодарил, и, медленно чувствуя, как от чайного блюдечка исходит тепло, проговорил: — Юэчжун — это маленький городок, и немногие понимают его создание и того, кто когда-то усердно построил его, а потому все государства ни в грош не ставят его. Если даже Жун Тун знает, что государь захватил город, однако он сейчас хочет одного: если государь не тронет его, то, возможно, хоть на время он избавится от беспокойства, этого будет вполне достаточно, и потому пока не трогает Юэчжун.

На что Ле-эр задал вопрос:

— Однако Жун Тун тоже не глупец: если он знает, что государь взял Юэчжун, то рано или поздно расправится с ним. Неужели он раньше не смог воспользоваться случаем и нанести удар?

До настоящего времени Ле Чжунлю контролировал атмосферу совещания, оказывая сердечный приём, чтобы все приняли активное участие. Под его влиянием даже Цю Юэ и остальные служанки с удовольствием напрягали свой ум, размышляя, к тому же задавали вопросы, но в большей степени это делал Ле-эр.

С этого момента Ле Чжунлю был достоин звания министра, искусно руководящего и возглавляющего организационные группы.

— Жун Тун не распустит руки, — не дожидаясь, пока Ле Чжунлю начнёт, ответил вместо него Цянь Линь и последовательно проанализировал: — Государь ничего не говорил? Императорское положение Жун Туна нестабильно, политическая власть и контроль над армией не в его руках. Сейчас ему больше всего хочется захватить власть. К тому же даже если он решится разделаться с Юэчжун, то ему всё равно придётся выполнить обещания, что он дал знати и своему дядюшке. Всем известна мощь нашего императора, и, вероятнее всего, народ станет противостоять ему, добровольно провоцируя государя.

Звонкий голос Цю Юэ потревожил слух всех собравшихся:

— Значит, сейчас Юэчжун, можно считать, в безопасности. Многочисленное войско Силэй пока что не умрёт, Чжаобэй и наш государь друг друга не ненавидят, потому нет необходимости выдвигать войско. Что же касается государства Тун...

— Государство Тун недавно потеряло своего императора и, может, не догадается об этом маленьком городке, — вместо Цю Юэ закончила предложение Цю Син, мысля одинаково со своей близняшкой.

Две служанки, которые крайне мало высказывались на таком важном военном совете, договорив, боязливо поглядели на Жун Тяня, больше всего опасаясь, что ошиблись или вызвали порицание за чрезмерную болтливость.

— Великие Небеса, — набожно сложив ладони, озвучила мысли Цю Лань и после чего, открыв глаза, сказала со смехом: — Лучше без войны. Раз уж никто не собирается на нас нападать, то Цянь Линю лучше остаться здесь в ожидании, когда государь захочет использовать Юэчжун.

Девушка мало что понимала в военных делах и, сказав одно предложение, заставила несколько мужчин рассмеяться.

Не понимая, из-за чего они смеются, Цю Лань забеспокоилась и обернулась посмотреть на Жун Ху:

— Я ошиблась?

На что Жун Ху, с чрезмерной любовью посмотрев на жену, покачал головой:

— Нет, ты хорошо сказала, я тоже считаю, что без войны лучше.

— Верно, хорошо сказала. — И Ле-эр со смехом добавил: — Только забываете, что Юэчжун — это территория Юньинь. Царствующий дом Юньинь не позволит вам бесцеремонно занимать их укрепленный город. Цю Лань, пораскинь умом, ты и мой старший брат, находясь в своём доме, позволили бы Цю Юэ мочиться на Вашу кровать? Независимо от того, что упадёт лишь несколько капель мочи, запах останется, ой! — внезапно юноша истошно закричал, получив подзатыльник.

Ле-эр, прикрывая больное место и искажив от боли лицо, обернулся посмотреть на ударившего обидчика, которым на самом деле оказался Фэн Мин.

Который с издёвкой сказал:

— Болтаешь что ни попадя, к чему провоцируешь Цю Юэ?

— Князь Мин хорошо поколотил его! — Цю Юэ радостно захлопала в ладошки.

Лишь услышав, что Ле-эр говорит о Юнъинь, Цю Лань всё поняла, так как совершенно забыла, что Юнъинь — вражеская территория, от этого осознания щёки девушки заалели, а сама служанка смутилась от того, что сболтнула лишнего.

Боясь, что его жёнушка обеспокоится, Жун Ху воспользовался шансом и, когда все начали шутить между собой, незаметно приблизился и шепнул на ушко Цю Лань:

— Ты правда хорошо сказала.

На что девушка крепко обняла мужа[2], однако больше всего боясь, что все начнут насмехаться, увидев это, она тотчас же отдернула руки и смущённо обронила:

— Очевидно, что я ошиблась, так чего же тут хорошего?

— Разве фраза «лучше без войны» не отлично звучит?

Сладостное чувство охватило сердце Цю Лань, а сама девушка, подняв ресницы, посмотрела на мужа, который в огромном зале, наполненном людьми, был единственным, кто отражался сейчас в её глазах.

— Итак, господин министр, не стоит беспокоиться насчёт окружающих трёх стран. Но что делать с проблемой Юнъинь? — серьёзно спросил Цзы Янь, подождав, пока все навеселятся. — Юэчжун, конечно, маленький город, к тому же, когда мы брали город с нарочно закрытой местности, то действовали крайне осторожно, чтобы новости о захвате не просочились в столицу. Однако не получится эту новость долго хранить в тайне, и император Юнъинь рано или поздно узнает, что Юэчжун попал в руки врага.

— Юэчжун хоть и маленький город, но всё же это территория Юнъинь. Чтобы сохранить репутацию Юнъинь, император, наверно, не отправит карательной отряд, — с благоговейным видом отозвался Жун Ху.

Они были во владении Юнъинь, к тому же с малым количеством войск. Если им и впрямь волей-неволей придётся встретиться с многочисленным войском Юнъинь, то положение станет крайне плачевным.

К тому же такая стратегия «слабый против сильного глупца» совершенно не соответствовала нынешней цели Жун Тяня — сберечь силы.

Множество людей сейчас с надеждой в глазах уставились на Ле Чжунлю.

Мужчина, обнажив свою фирменную улыбку, недоступную для понимания, и медленно опустив голову, как раз собирался отпить чай, но Вэй Цюнян, внезапно отняв чашку, грубо поставила её на сделанный из чёрного дерева столик:

— Эй, недостаточно вести себя как высокомерный министр, есть что сказать — говори, не нужно заниматься показухой!

Стоило жёнушке приказать, как Ле Чжунлю тотчас же подчинился, словно императорским речам, после чего окинул взглядом собравшихся и, обдумав, озвучил мысли:

— Ответственность за охрану Юэчжуна взял на себя Цянь Линь. Находясь вне стен города, нужно сначала направить людей, чтобы справиться с царствующим домом Юнъинь.

— Справиться с царствующим домом Юнъинь?

— Князь Мин, успокойтесь, я не говорил, что нужно уничтожить царствующий дом Юнъинь, а лишь договориться с ним, чтобы они позволили нам временно пожить в этом укрепленном городке.

Цзы Янь возразил:

— Цель господина министра хороша, только, кажется, выполнить её не слишком просто. Юнъинь, как сказать, также является государством, к тому же в настоящее время император Юнъинь всё-таки дружит с Жун Туном, как они могут согласиться и позволить нам временно остаться в укрепленном городе?

Ле Чжунлю, сложив губы, улыбнулся:

— В таком случае понадобятся навыки Ле-эра.

— Ле-эра? — Фэн Мин, уставившись на юношу, испуганно проговорил: — Министр хочет сказать, что нужно позволить Ле-эру...

— Ле-эр долгое время жил в Юнъинь, и он хорошо знает как нрав императора Юнъинь, так и всех его подданных. Если кто и может справиться с этим делом, то, несомненно, только он.

Князь вновь хотел вернуться к этому вопросу, но Ле-эр, казавшийся воодушевленным, немедля проговорил:

— Предоставьте это мне. Государь и князь Мин, не беспокойтесь, я знаком с каждым из чиновников Юнъинь, а после аудиенции у императора Юнъинь я тотчас же покину дворец. Пойду и займусь этим делом.

Фэн Мин ничего не сказал.

Князю и впрямь не хотелось отпускать от себя Ле-эра.

Ле-эр по приказу Жун Тяня давно скрывался в Юнъинь и в императорском дворце, постоянно рискуя жизнью, занимался опасными делами, после его отправили сопровождать Фэн Мина, также он несколько раз попадал в опасное положение и наконец сейчас нужно было отправлять его одного в такой серьёзной ситуации.

Ле Чжунлю, притворившись, что не замечает печали князя, спросил Ле-эра:

— Как ты собираешься выполнить порученное тебе дело?

Ле-эр ответил:

— Сначала найду Юн И, чтобы он с помощью своей славы императорского сына обратился к императору Юнъинь, потребовав приюта в этом городке.

— А если кто-нибудь из знати Юнъинь станет препятствовать?

— В царствующем доме Юнъинь в основном есть те, кто вульгарен, не имеет великих устремлений и часто устраивает внутреннюю борьбу за власть; если кто-то станет препятствовать, когда я буду просить приюта в городе, то я тоже воспользуюсь их обидами и найду решение, улаживающее конфликт. Хоть Юэчжун — небольшой город, император Юнъинь должен дать согласие. Когда этот укреплённый городок окажется под управлением Юн И, остальное легко уладится. Юн И имеет полное право заключить соглашение с императором и пригласить его с подданными в гости.

Цянь Линь ясно сказал, смеясь:

— Верно! Фактически мы гости. Кто сказал, что мы захватили Юэчжун? И это совсем не одно и то же.

Генерал говорил так забавно, что все, не удержавшись, рассмеялись.

— Хорошо, это то, чего мы хотим, и раз уж у тебя уже есть составленный план, тогда мне нет необходимости напоминать. — Ле Чжунлю крайне радовался смыслённости Ле-эра, и, указывая на Жун Ху, мужчина добавил: — Я дам тебе ещё один амулет, обеспечив несметными

богатствами. В Юньинь есть множество мест, где придётся потратиться, в этом случае смело обращай к своему старшему брату, он управляет собственностью князя Мина, и сколько бы ты денег ни попросил, он тотчас же сможет их тебе дать.

Глаза Ле-эра внезапно засияли, и, обнажив светлую, словно солнце, улыбку, юноша проговорил:

— Так это ещё лучше! В Юньинь много алчной знати, если подкупить их драгоценностями, то знать станет настолько единодушной, что даже Юн Цюань, этот наследный принц, не сможет возразить.

Жун Тянь, сидящий в стороне рядом с Фэн Мином, опустил голову и, касаясь мочки уха, прошептал:

— Не ты ли постоянно говоришь, что хочешь научиться управлять государством и воинами? Лучший учитель прямо перед глазами. Господин министр изначально хотел, чтобы Жун Ху ради тебя распорядился имуществом учителя Сяо Шэнши, на самом деле он уже давно хотел позволить Жун Ху вместе с Ле-эром вести дела.

Услышав слова императора Силэй, Фэн Мин кивнул и, с восхищением посмотрев вперёд, шёпотом ответил Жун Тяню:

— Я знаю, это и есть «замыслив план, приступить к действиям».

— Ты прав, вместе с ним война может значительно сократиться.

Думая о светлых перспективах будущего, князь ликовал и, понизив голос, мечтательно заговорил:

— После, как в Поднебесной воцарится порядок и покой, мы сможем каждый день вместе отправляться на прогулки, поехать поглядеть на равнины, взбираться в горы и, кто знает, может, ещё выйдем в море.

Жун Тянь замер, не ожидая, что Фэн Мин может высказать такие милые слова.

Опустив взгляд и посмотрев на мечтающую мордашку князя, император Силэй ни с того ни с сего почувствовал, как сердце защемило, и в то же время ощутил угрызения совести, и, обняв юношу, Жун Тянь проговорил:

— Независимо от того, объединим Поднебесную или нет, едва лишь ты захочешь, и я тотчас же отправлюсь, составляя тебе компанию.

Двое мужчин, встретившись взглядами, с мгновение не могли вымолвить и слова.

Однако со стороны донеслись недовольные слова Цзы Яня:

— Господин министр слишком несправедлив. Изначально за пределы Юэчжун не следует послать меня? Почему сразу Ле-эра? У Ле-эра уже есть работа, а что насчёт меня?

Получив огромную ответственность, Ле-эр, земли под собой не ощущая, похлопал Цзы Яня по плечу:

— Брат, не министр несправедлив, просто это дело могу выполнить только я. Ведь Юн И слушается лишь меня.

— Бесстыдник, — повернулась к юноше Цю Юэ и, состроив рожицу, добавила: — Будто мы не знаем, кто кого слушается.

— Цзы Янь, не волнуйся, и для тебя, конечно, есть задание. — Довольно великодушный Жун Ху, успокоив Цзы Яня, обернулся и спросил Ле Чжунлю: — Верно, министр?

— Не верно, — покачал головой мужчина, — мне нечего поручить Цзы Яню.

Дружественная атмосфера внезапно стала холодной.

Испытывая неловкость, все затихли.

Ле Чжунлю, самодовольно поглядев на всех, улыбнулся и, внезапно сменив тему разговора, с лукавством проговорил:

— Если Цзы Янь хочет чем-нибудь заняться, то должен получить распоряжение от государя. — И, повернувшись к Жун Тяню, Ле Чжунлю сложил руки в знак просьбы, неторопливо сказав: — Мои «сыновья» уже взяли на себя обязанности министра, четверо императорских подчинённых: Мянъ Я, Цянь Линь, Ле-эр и Жун Ху — несут свои обязанности, остался лишь один Цзы Янь, которого я почтенно возвращаю государю.

Этот козырь продвигался медленно и неспешно в соответствии с собственным замыслом, пока министр не соизволил полностью вытащить его, даже Жун Тянь рассмеялся, услышав его слова. Немного отсмеявшись, император Силэй без раздумья задал встречный вопрос министру:

— Этот император сначала хотел бы спросить: что именно хотел министр, чтобы этот император приказал?

— Государь действительно решил согласиться на моё задание?

— А разве этот император не дал согласия? Не только этот император, но даже Фэн Мин находится в Вашем подчинении. — Жун Тянь слегка поднял голову и с уверенностью, что была присуща лишь императору, взглянул на всех, холодно говоря: — Как может император, который не держит слова, управлять государством, управлять народом? Основной замысел министра этому императору уже ясен. В душе министр наверняка уже обдумал, как должен поступить этот император, так что незачем тратить время впустую, прошу министра сказать прямо.

Услышав такую откровенность и прямоту из уст императора Силэй, Ле Чжунлю больше не стал отнекиваться.

Честно говоря, сейчас, когда у Жун Тяня не хватало приближённых, да и армии было ничтожно мало, миссия по объединению Поднебесной с помощью всех своих подчинённых просто невыполнима.

А Ле Чжунлю достаточно глубоко и всесторонне обдумал нынешнюю ситуацию, и в его планы входило включить в расчёт каждого человека, задействовать любую минимальную силу и в полной мере этим воспользоваться, позволяя всем внести свою лепту.

Как мог Ле Чжунлю упускать такой огромный источник средств в лице Жун Тяня?

Получив согласие императора Силэй, Ле Чжунлю тотчас же, больше не притворяясь и не церемонясь, приказал мужчине подняться и подойти:

— Что государь сейчас должен сделать, так это упорядочить всю мощь, которой может воспользоваться. — Он сделал шаг вперёд и, более того, с глубокомысленной улыбкой сказал: — В тот день, когда началась борьба с Жун Туном, государь бросил страну и, притворившись умершим, направился в Дунфань спасать князя Мина, а перед тем, как принять такое важное решение, Вы наверняка думали о том, как в будущем вернуть престол? Ле Чжунлю совершенно не верит, чтобы такой человек, как император, тайно не подготовил войска, чтобы в дальнейшем дать новое назначение.

На что Жун Тянь честно ответил:

— Предположения министра конечно же верны.

— И спрятаны, очевидно, не на границе Силэй?

Услышав слова Ле Чжунлю, все остолбенели.

Сохраняя спокойствие, министр неторопливо проговорил:

— На границах Силэй, я убеждён, что отряду государя определённо могут устроить засаду. Но у хитрого зайца есть ещё три норы[3]. В крайнем случае для обороны государь, разумеется, припрятал за пределами Силэй ещё отряд приближённых солдат.

Ле Чжунлю свободно загибал пальцы, перечисляя и разговаривая сам с собой:

— Тун и Силэй всегда ненавидели друг друга, навряд ли государь спрятал войско на территории Тун. Юньинь, это государство хоть и имеет хорошие отношения с Силэй, однако Юньинь граничит с Тун, в особенности с Тун и Ли, слишком переменчиво и неизвестно, чего ожидать. Если так предположить, лучше войскам спрятаться не иначе как в Чжаобэй, — договорив, мужчина с улыбкой посмотрел на Жун Тяня.

Все слушали, не понимая.

Цзы Янь и Цянь Линь обменялись растерянными взглядами.

Они, будучи отборными солдатами Жун Тяня, как раз и являлись тем подкреплением, что пряталось на границе Силэй, а после того, как Жун Тянь был свергнут с престола Жун Туном, тотчас же бывший император Силэй тайно приказал им собираться, и они все вместе поспешили в Дунфань.

Однако они совершенно не знали, что у Жун Тяня в Чжаобэй неожиданно окажется ещё одно войско.

Встретившись с прозорливым взглядом Ле Чжунлю, Жун Тянь сначала лукаво улыбнулся, потом внезапно смело рассмеялся и, указывая на мужчину, обернулся к Фэн Мину, со вздохом сказав:

— Если министр оказывает поддержку Ли, то, боюсь, мы с тобой умрём, и целого трупы не останется. — После этих слов император Силэй кивнул Ле Чжунлю, отвечая: — Этот император действительно спрятал в Чжаобэй ещё одно войско. Конечно, это последнее подкрепление этого императора, и я не воспользуюсь им без крайних обстоятельств.

— Сейчас пришло время этих крайних обстоятельств. — И Ле Чжунлю со всей прямоотой спросил: — Где скрывается войско?

— В маленьком рыбацком посёлке, что на берегу реки Мэй.

— Превосходно! — Ле Чжунлю внезапно хлопнул в ладоши, радостно говоря: — Государь всё тщательно продумал и выбрал превосходное место: если что-нибудь случится, войско может подняться вверх по реке Мэй и перебраться к реке Оман. Не нужно беспокоиться, что их ждёт дальний поход, на который они затратят много сил. К тому же раз уж есть рыбацкие лодки, то наверняка там есть маленькая речная пристань, где легко можно спрятать корабли и их никто

не найдёт. Только не знаю, сколько там солдат?

— Немного, — Жун Тянь поднял палец, — лишь десять тысяч.

— Десять тысяч?

На этот раз даже Ле Чжунлю не мог предположить такое огромное количество людей и после потрясения недоверчиво спросил:

— Так много людей, если даже их скрыть в рыбацком посёлке, всё равно император Чжаобэй не сможет не обнаружить их.

Мужчина предполагал, что Жун Тянь скрывает в Чжаобэй солдат, но никак не думал, что так много.

— Изначально там расположилось войско в три тысячи человек, однако после битвы на реке Оман оно увеличилось до десяти тысяч, — Жун Тянь слегка улыбнулся и равнодушно добавил: — Десять тысяч человек, стиснутые в кучу, конечно же, могут привлечь внимание. Однако река Мэй такая длинная, к тому же она разделяет два берега, а в одном посёлке шестьсот-семьсот людей, каждое поселение связано друг с другом, двадцать-тридцать таких деревень вполне достаточно. Изначально эти окрестности в большинстве представляли собой пустынные холмы, население Чжаобэй постоянно переезжает, и чиновники также часто меняются, новые же провинциальные служащие фактически не знают, где поселения, а где пустынные холмы, сами же чиновники время от времени приезжают и просто без раздумья просят доход. Да, кстати, эти наши рыбацкие посёлки ежегодно платят Чжаобэй достаточно большой налог за рыболовство.

Все рассмеялись.

Больше всех радовался Ле Чжунлю, он изначально считал, что в Чжаобэй находится не более пяти тысяч солдат, а сейчас, когда это число из ниоткуда выросло в ещё пять тысяч, что было поистине манной небесной, настроение улучшилось в несколько раз, и мужчина удовлетворённо проговорил:

— Раз так, прошу государя немедленно и тайно перебросить войска в Дунфань.

— В Дунфань?

— Конечно в Дунфань. — Ле Чжунлю добавил: — Силэй уже в руках Жун Туна, и нам пока что не стоит с ним встречаться. Юэчжун — маленький город, в котором Цянь Линя назначим регентом; если государь или князь Мин останутся здесь, то все государства, которые сейчас испытывают сильный страх, в будущем будут представлять огромную опасность для Юэчжуна. И лишь Дунфань является на данный момент лучшим опорным пунктом для государя.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «язык — меч, губы — пики», обр. о силе полемического таланта, о разящей силе ораторского дарования; острый на язык.

[2] В оригинале фраза звучит как «молодой побег, нежный росток», также обр. о женской руке.

[3] Обр.: иметь множество лазеек, пускать в ход увёртки; изворачиваться, выкручиваться, а также это отсылка к 36-ой стратагеме «бегство — лучший приём».

<http://bllate.org/book/13377/1190206>